

Фирсов Денис Евгеньевич

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ

Статья посвящена исследованию интеллектуалов как социальной общности с конкретной формой социальной активности. В качестве интегрированной модели общественной деятельности интеллектуального сообщества автор рассматривает интеллектуальную культуру, реализующую потенциал самоопределения интеллектуалов и придающую их творчеству социально-актуальную направленность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 188-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Глюк Ш., Глюк Э. Техника исследования *ex post facto*. Отбор и объединение по парам делинквентов и неделинквентов // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. статей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 149-172.
6. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / сост. Ю. П. Сенокосов. Изд-е 2-е, измен. и дополн. М.: Прогресс; Культура, 1992. 415 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Избранные произведения / сост. М. Ш. Иванова. М.: Сирин, 1990. Кн. 2. С. 149-327.
8. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург – М.: У-Фактория; АСТ Москва, 2009. 800 с.
9. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Издат. РХГИ, 2000. 1054 с.
10. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 14-16.
11. Чехов А. П. Из Сибири // Чехов А. П. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1985. Т. 11. С. 5-39.
12. Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 341-377.
13. Шоу К. Р., Маккей Г. Д. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго. Различные системы ценностей // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. статей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 288-299.
14. Эшби У. Введение в кибернетику / пер. с англ. Д. Г. Лахутина; под ред. В. А. Успенского; предисл. А. Н. Колмогорова. М.: Издат. иностр. лит., 1959. 432 с.

SETTLEMENT SOCIUM AND MASS MEDIA AS ENVIRONMENTAL MATRIX OF BEHAVIOURAL DEVIATIONS

Lyubov' Dorofeevna Unarova, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Department of Social-Classical Disciplines
Higher School of Music (Institute) of the Republic of Sakha (Yakutia)
unarova@mail.ru

The author presents the settlement environment of man and mass media in the quality of matrix serving as one of the main sources of the formation and determination of his behaviour and behavioural deviations, shows the process of entire districts actual formation in settlements (towns and villages), where social deviations are concentrated that primarily leads to the criminalization of children and youth, and emphasizes the increased significance of mass media that has great dysfunctional non-trivial influence on human behaviour.

Key words and phrases: social environment; matrix; settlement (village, town); district; groups; mass media; behaviour; social deviations.

УДК 316.34

Социологические науки

Статья посвящена исследованию интеллектуалов как социальной общности с конкретной формой социальной активности. В качестве интегрированной модели общественной деятельности интеллектуального сообщества автор рассматривает интеллектуальную культуру, реализующую потенциал самоопределения интеллектуалов и придающую их творчеству социально-актуальную направленность.

Ключевые слова и фразы: интеллектуалы; социотип; социальная активность; интеллектуальная культура.

Денис Евгеньевич Фирсов, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
den_firsov@rambler.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ©

Вопросы социальной организации интеллектуальных сообществ активно обсуждаются отечественными и зарубежными экспертами [9, с. 3-8]. Актуальность проблемы обусловлена изменениями общественной динамики в странах Европейского союза в течение последних десятилетий. Процессы интеграции, опыт формирования «мультикультурных» ценностей неизбежно влияют на традиционные социальные институты. Меняется и общественная роль неотъемлемого элемента европейской социокультурной модели, сформировавшегося в процессе обсуждения «дела Дрейфуса» - интеллектуалов.

Целью данной работы является определение интеллектуалов как социальной общности с конкретной формой общественной деятельности.

Социотипические обобщения интеллектуалов основываются на маркировании их исторически обусловленной социальной коллективности. В качестве основы идентичности интеллектуального сообщества рассматриваются характеристики «индивидуальности» и «публичности», отражающие общий подход интеллектуалов к своим социальным задачам [Там же, с. 32].

Можно отметить отдельные признаки интеллектуалов, специфичные для неноминальных социальных групп. К ним следует отнести общие («или как минимум схожие») интересы и цели, определяющие «имманентную коллективность», или «объективные надындивидуальные начала» [6, с. 40].

К. Х. Момджян различает «*общие* интересы и цели, возникающие у совместно действующих людей» в «реальных группах» с «совместной скоординированной деятельностью» и «*схожие* интересы и цели, одинаковые у людей, не зависящих непосредственно друг от друга», определяющие специфику «как бы интегрированных групп» («квазиинтегрированных сообществ»). Взаимодействие в «реальных» группах имеет «*солидаристский*» характер. В «как бы организованных группах» реализуются «*статусные отношения*, которые определяют место, занимаемое членами группы в системе *распределения общественно значимых благ* (...собственность, власть, престиж, образование, профессия, культурные паттерны)» [Там же, с. 44].

В отношении интеллектуалов и способов их взаимодействия в равной степени не применимы определения «совместная скоординированная деятельность» и «статусные отношения». Для интеллектуала характерно стремление к свободной автономной деятельности, что само по себе исключает конкуренцию в сфере «распределения общественных благ» [9, с. 76].

«Реальные» группы, по мнению К. Х. Момджяна, «характеризуются *системным* типом интеграции, то есть представляют собой целое, которое состоит из взаимосвязанных частей, но не сводится к их сумме, поскольку обладает *интегральными* свойствами, присущими лишь целому и отсутствующими у его подсистем, компонентов и элементов» [6, с. 43-44].

Интеллектуализм как социокультурная стратегия интеллектуалов и соответствующий ему социальный паттерн (унифицирующий метод или тип социальной идентификации), не являясь «механическими дериватами», обеспечивают интеграцию потенциала социальной идентичности интеллектуалов, но не за счёт снижения значения индивидуального характера их деятельности, размытия автаркии [9, с. 74-75]. «Изменение свойств и состояний одних участников» в данном случае не отражается «на свойствах и состояниях других» [6, с. 44].

Соответственно, интеллектуализм не может быть однозначно отнесён и к связанным с различиями «реальных» и «как бы организованных» групп «организациям» или «общностям». Организации, как определяет К. Х. Момджян, создаются сознательно, как продукт «особой деятельности», как «форма общения». Общности складываются как «стихийный результат – но не продукт» целенаправленной активности людей [Там же, с. 45].

«Объективно-статусные» (независящие от воли индивида) и «самореферентные» [Там же, с. 46] характеристики интеллектуалов имеют элективный характер и используются в качестве конъюнктурных социальных маркеров, часто в контексте «неявных оценочных суждений» [1, с. 163].

Сомнение вызывает и наличие у интеллектуалов присущих неноминальным группам «сигнальных признаков». К ним К. Х. Момджяном отнесены «сознание общности, самореференция по типу “мы”» и «феномен ожидаемого поведения, связанного с членством в данной группе» [6, с. 42].

Необязательный характер носит во взаимодействии интеллектуалов (в отличие от интеллигенции) и фактор «взаимопризнания» [8, с. 8].

При этом следует отметить, что «к факторам групповой консолидации», по мнению К. Х. Момджяна, относятся «интересы и субъективные цели», присутствующие у интеллектуалов [6, с. 41].

Субъективные цели – «присущие лишь людям информационные продукты, представляющие собой спроектированный образ желаемого результата». Постановка субъективных целей зависит «от факторов мотивации», эмоциональной, рассудочной и ценностной экспертиз «человеком собственных безальтернативных влечений и связанных с ними потребностей, и свободный выбор в пользу “наилучшей” из них» [Там же, с. 41-42].

Таким образом, несмотря на наличие у интеллектуалов частичных признаков неноминального сообщества, «имманентной коллективности», «объективных надындивидуальных начал» [1, с. 168], социальный паттерн европейского интеллектуализма не может быть выстроен и исследован как стратегия типологизированной социальной группы. Для конкретизации формы коллективности интеллектуалов может быть применено понятие «социально активная группа (общность)».

Одной из форм реализации объективных закономерностей социально-исторического развития является культурная динамика [2, с. 22]. Социальная функция интеллектуалов может быть конкретизирована посредством определения социального значения интеллектуальной культуры.

Интеллектуальная культура по ряду параметров сближается с культурой «элитарной». Элитарная культура – «субкультура привилегированных групп общества, характеризующихся принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом и ценностно-смысловой самодостаточностью». Аудитория элитарной культуры ограничена узким кругом представителей правящего меньшинства («политическая элита») или культурных страт («культурная элита», «творческая элита»), объединённых «не экономическими, социальными, политическими и собственно властными интересами и целями, но идейными принципами, духовными ценностями, социокультурными нормами» [3, с. 554-556].

Политическая элита представляет собой «группу, реально действующую в системе общего духовного производства и призванную придать специфическим социальным интересам и целям ранг глобального общественного проекта» [7, с. 289]. Несмотря на осознанное, исторически обусловленное стремление интеллектуалов к реализации вырабатываемых ими идей посредством инструментов политики, они не идентичны политической элите.

«Относительная автономия» интеллектуальной культуры от политики основывается, по мнению Н. Боббио, помимо специфики проблематики и связанной с ней деятельности интеллектуалов, на различиях самих сфер идей и политических действий. Первая сфера «гораздо разнообразнее, шире, сложнее, дифференцированное, богаче проблемами» [1, с. 168-169].

Интеллектуалов нельзя отождествить и с «культурной элитой», формирующей, как отмечает И. В. Кондаков, «собственные, принципиально новые механизмы саморегуляции и ценностно-смысловые критерии деятельностного избранничества, выходящие за рамки собственно социальных и политических требований, а нередко сопровождаемые демонстративным уходом от политики и социальных институтов и смысловым противостоянием этим явлениям как внекультурным» - «неэстетичным, безнравственным, бездуховным, в интеллектуальном отношении бедным и пошлым» [3, с. 556].

В элитарной культуре «сознательно ограничивается круг ценностей, признаваемых истинными и “высокими”, и ужесточается система норм, принимаемых данной стратой в качестве обязательных и неукоснительных в сообществе “посвящённых”» [Там же]. В этом качестве культура политических и творческих элит выполняет функцию партикулярной субкультуры, характерной, в частности, для интеллигенции, но не свойственной интеллектуалам.

Наиболее интенсивно интеллектуальная и элитарная культуры солидаризируются в своей оппозиции массовой культуре.

Элитарная культура противостоит «культуре большинства» («во всех её исторических и типологических разновидностях») «сознательно и последовательно», и одновременно «нуждается в постоянном контексте массовой культуры», самоопределяется в противодействии её ценностям и нормам [Там же, с. 555]. То есть «культура элит» и «культура масс» представляют собой своеобразные социокультурные «контрапункты», образующие кластер, развивающийся в функциональном взаимодействии элементов.

Интеллектуальная культура как пространство идентичности европейских интеллектуалов исключает систему ценностей, на основе которой возникает массовая культура, поскольку сама формируется в исторической и идеологической связке с европейским интеллектуализмом - альтернативой мифу и мифологизму.

Методами «корректировки» элитарной культурой «сложившихся стереотипов и шаблонов масскульты» являются «пародирование», «осмеяние», «ирония», «гротеск», «полемика», «критика», «опровержение» [Там же]. Задача интеллектуальной культуры, в ряде случаев допускающей схожие тактические приёмы, не ограничена критическим «вытеснением» массовых культурных феноменов. Важнейшим отличием интеллектуальной культуры является направленность на дезавуирование идеологических оснований существования массовой культуры.

Основной предпосылкой формирования массовой культуры является распад мифологической картины мира, отражавшей смысловые приоритеты античного сознания. Деэвальвация мифа лишила человека устойчивой ценностной опоры, дезориентировала его. С исторически обусловленным разрушением мифологической реальности было связано формирование исторических и психологических предпосылок массовой ремифологизации – процесса латентной реконструкции смыслового содержания мифа вне мифологического контекста.

Задачей интеллектуальной культуры является демифологизация – маркирование проявлений мифологизма, противопоставление ему исторически обусловленных общественных задач. Динамика интеллектуальной культуры, таким образом, является одной из форм конкретизации объективных закономерностей социально-исторического развития. В данном качестве интеллектуальная культура может рассматриваться как полноценный элемент социальной действительности.

В реализации своего потенциала интеллектуальная культура раскрывается как культура социальная - как особый «вид» культуры, обеспечивающий соответствие потребностей «в гуманистически ориентированных социальных отношениях» и отражения в культурной реальности общественной необходимости [4, с. 15, 18].

Социальная функция интеллектуальной культуры дистанцирует её от форм «утопической духовности», характерной для «отторгнутых процессом развития» интеллектуальных прослоек. Классифицируя группы интеллектуалов, отчуждённых от общественно-политического процесса, К. Мангейм отмечал, что представители интеллектуальных сообществ, переживающие раскол между духовными и социальными связями, компенсируют утраченную целостность либо скептическим уничтожением идеологии в науке, либо возвращением к романтизированному прошлому, идеалистическому, мифологизированному опыту, либо радикальным утопизмом [5, с. 167].

Таким образом, по форме коллективности интеллектуалы являются социально активной общностью. Различные формы общественной деятельности интеллектуального сообщества генерализируются в понятии «интеллектуальная культура». Интеллектуальная культура реализует потенциал самоопределения интеллектуалов, придаёт их творчеству социально актуальную направленность.

Список литературы

1. **Боббио Н.** Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 162-171.
2. **Гвишиани Д. М., Мшвениерадзе В. В.** Философские проблемы взаимодействия культуры, политики и научно-технического прогресса // Философия и культура. М.: Наука, 1987. С. 22-69.
3. **Кондаков И. В.** Элитарная культура // Культурология. XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 554-561.
4. **Лапина Т. С.** Социальная культура как атрибут современной цивилизации // Вопросы культурологи. 2010. № 8. С. 14-19.
5. **Мангейм К.** Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 113-169.
6. **Момджян К. Х.** К вопросу о типологии социальных групп // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 39-48.
7. **Панарин А. С.** Философия политики. М.: Наука, 1994. 368 с.
8. **Репина Л. П.** Интеллектуальные традиции (проблемы исследования) // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы). М.: Кругъ, 2010. С. 5-12.
9. **Фирсов Д. Е.** Европейский интеллектуализм: социокультурная стратегия. Ярославль: Аверс Плюс, 2012. 152 с.

INTELLECTUALS AS SOCIAL COMMUNITY

Denis Evgen'evich Firsov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
den_firsov@rambler.ru

The author studies intellectuals as the social community with the particular form of social activity, and as the integrated model of intellectual community social activity considers intellectual culture realizing the potential of intellectuals' self-determination and giving social-actual direction to their creative work.

Key words and phrases: intellectuals; social type; social activity; intellectual culture.

УДК 94(574)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается проблема влияния традиционного кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства на экономическое и социальное развитие казахского общества XIX – начала XX века. Показаны особенности деформационных процессов, связанных с постепенным переходом казахского населения от кочевого образа жизни к оседлости.

Ключевые слова и фразы: скотоводство; земледелие; аграрный вопрос; социальная структура; деформация.

Дмитрий Яковлевич Фризен, к.и.н.

Кафедра истории Казахстана и исторических дисциплин

Актюбинский государственный педагогический институт, Казахстан

d.friesen@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ СТРУКТУРА АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА: XIX - НАЧАЛО XX ВЕКА©

Традиционная хозяйственная структура Казахстана в исследуемый нами период тесно связана с развитием скотоводства, являвшегося основным занятием казахского населения. Скотоводческая форма хозяйства как преобладающая сфера производства зародилась на территории Казахстана в древности, в основном под влиянием природно-климатических условий, засушливого климата и недостатка водных источников. К тому же переход к развитию кочевого скотоводства был также связан с увеличением поголовья скота у древних племён, что способствовало переходу к экстенсивному скотоводству. Традиционная скотоводческая структура неизменно преобладала в степных районах Казахстана вплоть до XX века.

Казахское общество делилось на отдельные племена и роды, составляющие основу трёх Жузов – Старшего, Среднего и Младшего. Кочевья Старшего Жуза располагались на территории Семиречья и Южного Казахстана. Средний Жуз находился в Центральном, Северном, Восточном Казахстане. Кочевья Младшего Жуза были расположены в Западном Казахстане. Эти границы существовали до XIX века, до тех пор, пока территория Казахстана полностью не вошла в состав Российской империи, и не были введены новые административные границы. Формально деление на Жузы сохранилось, но уже не имело принципиального характера. Надо сказать, что постепенное развитие земледелия способствовало прекращению господства кочевого скотоводства, и появилось смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Этому во многом способствовало влияние русской земледельческой культуры, особенно в связи с переселенческой политикой царизма. К тому же развитие торговли, особенно хлебной продукцией, также способствовало увеличению темпов земледелия, в том числе в казахских хозяйствах.

К началу XX века российское правительство серьёзным образом занялось исследованием экономики Казахстана, создав для этого ряд специальных экспедиций. Первой крупной комиссией, занимающейся исследованием земельных отношений в регионе, была «Экспедиция по исследованию степных областей» во главе с известным статистиком Ф. А. Щербиной. Была проведена огромная работа, исследовано хозяйство казахского населения во многих уездах Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской областей. По мнению Ф. А. Щербиной, в Казахстане существовали земельные общины, основанные по принципу родства. «Наименьшей земельно-хозяйственной единицей, - писал Ф. А. Щербина, - является хозяйственный аул или аксакальство. Несколько таких аксакальств, занимающих одну сплошную территорию и объединяющихся одним и тем же родоначальником, составляют земельную общину; затем смежные общины, происходящие также от одного уже более отдаленного родоначальника, в свою очередь составляют особую группу общин, имеющих